Филологические науки

МИЗАНДРИЙНОЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Бакшеева Д.Е.

Иркутский государственный университет, Иркутск, e-mail: baksheevade@gmail.com

Начиная с середины прошлого века интерес к изучению гендерного аспекта в различных сферах жизни значительно вырос. Как следствие, появляется все больше новых исследований, посвященных вопросу гендера и пола, способам урегулирования отношений между различными социальными группами, имеющими неравный статус. Все это находит свое отражение в социологии семьи, сексуальности, заботы, эмоциональной сферы, здоровья, возраста и жизненного курса, а также в языке.

Рядом исследований доказано, что наше речевое поведение гендерно обусловлено. Л. В. Топка в своих исследованиях выявляет, что мужское речевое поведение отличается эгоцентричностью и считается более категоричным, так как оказывает прямое воздействие на коммуникативного партнёра. Женское же речевое поведение наоборот считается некатегоричным, поскольку воздействует на собеседника косвенно и характеризуется явной адресностью. Женщинам свойственно употребление в адрес мужчин инвективов, описывающих их умственные способности, косвенно критиковать их и иронизировать, а также выражать большую, чем мужчины, эмоциональность при коммуникации [2].

А.В. Кириллина и М.В. Томская подчеркивают, что гендерные стереотипы речевого поведения мужчин и женщин, которые, как и другие стереотипы, находящиеся в сознании людей, регулируют речь в зависимости от гендерной идентификации человека. В обществе есть определенные ожидания к различным характеристикам речи говорящего в зависимости от его пола и социального статуса [1]. Влияние гендерных стереотипов на речевое поведение коммуникантов очень высоко, так как стереотипы считаются поведенческой программой, которая выполняется или нет.

Соответствие стереотипам создает представления о том, кто такой «настоящий мужчина», кто такая «настоящая женщина» и вызывает соответствующую оценку социума, где воспринимается положительно или принимается обществом как норма, а несоответствие вызывает негативную реакцию. Таким образом, в сознании человека маскулинность связана с одними типами личных качеств и видами деятельности (например, с рациональностью, силой и материальным обеспечением семьи), а женственность – с другими (например, с эмоциональностью, слабостью и заботой).

Строгое следование стереотипам, приписанных «настоящему мужчине» приводит к такому явлению как гегемонная маскулинность. В своей работе Р. Моррел и Р. Джукс дают определение концепту гегемонной маскулинности как «*a set of values, established by men in power that functions to include and exclude, and to organize society in gender unequal ways. It combines several features: a hierarchy of masculinities, differential access among men to power (over women and other men), and the interplay between men's identity, men's ideals, interactions, power, and patriarchy*» [7]. То есть, гегемонная маскулинность – это набор ценностей, установленных мужчинами, находящимися у власти, который помогает им организовывать общество неравноправным образом и включать или исключать из этого различных членов. Это явление сочетает в себе несколько особенностей: иерархия маскулинности, строго разграниченный доступ мужчин к власти (над женщинами и другими мужчинами) и взаимодействие между идентичностями мужчин, их идеалами, взаимодействиями, властью и патриархатом.

В гендерной социологии существует такой термин как «мизогиния», обозначающий предубеждение либо ненависть по отношению к женщинам, женоненавистничество. В противовес термину «мизогиния» (самое раннее упоминание, согласно словарю Merriam Webster, было в 1656 году) было введено понятие мизандрии (первый известный источник, использовавший термин, датируется 1898 годом) [9]. Согласно словарю Macmillan мизандрия определяется как «*the feeling of hating or strongly disliking men, or being prejudiced against them*», т.е. чувство ненависти, сильной антипатии, или предубежденности по отношению к мужчинам [8].

Как и мизогинное, мизандрийное речевое поведение является одним из гендерно обусловленных вариантов категоричного речевого поведения. К такому речевому поведению, казалось бы, должны прибегать именно женщины, так как они традиционно считаются угнетенной группой в патриархальной организации социума. Их подавляют, ими пренебрегают, потому что женщины находятся не в том положении, с точки зрения распределение социальных ролей в патриархальном обществе, чтобы дать отпор, требовать равенства или изменения социального статуса. Однако стоит также понимать, что патриархат ущемляет права не только женщин, но и самих мужчин. Мужчины, которые имеют более низкий социальный статус, чем привилегированное большинство гетеросексуальных белых мужчин, тоже подвергаются дискримина-

ции, так как патриархат включает в себя строгие правила и стандарты внешности, одежды, поведения и многого другого. Эти стандарты транслируются различными социальными институтами (семья, религиозные общины и т.д.) или культурными явлениями (реклама, СМИ).

Языковыми средствами выражения мизандрийного типа поведения являются, например:

Зооморфизмы, которые приписывают определенные коннотативные значения лексемы, обозначающей животного, человеку: *dog, donkey, cock, goat, pig, pussy, gorilla, ect*.

We are culturally conditioned to not only think that most men are ***pigs****, but that they also never talk to each about emotions* [4].

Лексические единицы, используемые для выражения феминности мужчины или его инфантильности: *like a girl/woman/pussy/faggot, ect.:*

He looks exactly like a girl even though he's a male [6].

Данные лексические единицы часто используются для того, чтобы подвергнуть сомнению маскулинность слушающего, его способность быть «настоящим» мужчиной, они указывают на его женоподобность. Эти выражения в тоже время являются мизогинными и гомофобными, так как базируются на стереотипах, что все женщины слабые, безвольные, неспособные выполнить тяжелую работу, и что все люди нетрадиционной сексуальной ориентации женственные. К такому категоричному поведению прибегают мужчины, чтобы самоутвердиться на фоне другого мужчины, «слабого» физически или психологически.

Лексические единицы, нацеленные на пробуждение маскулинности: *man up, grew a pair of balls.*

Or you can grow a pair of balls and pick up a basketball once in a while instead of playing on the swing set like a little bitch [10].

Инвективная лексика: *rapist, murderer, pervert/perv, etc.*

Инвективы как эмотивно-экспрессивная лексика, с помощью которой происходит выражение чувств и переживаний человека в процессе коммуникации чаще используются женщинами, подверженными психологическим или физическим переживаниям из-за мужчин. С такими выражениями нередко можно столкнуться в книгах, статьях, на сайтах радикальных феминисток.

Men are rapists, batterers, plunderers, killers; these same men are religious prophets, poets, heroes, figures of romance, adventure, accomplishment, figures ennobled by tragedy and defeat [5].

Патриархальная система общества во многих странах создала порочный круг гендерных стереотипов не только о том, какой должна быть женщина, чтобы соответствовать ожиданиям общества, но и о том, каким должен быть «настоящий мужчина», какими качествами должен обладать, чтобы быть полноценным членом общества. Эти гендерные стереотипы передаются и прививаются членам общества с самого рождения значимыми социальными институтами: семья, государство, религия.

Лексика, используемая в мизандрийных высказываниях, содержит в себе определенные семантические признаки, связанные с женственностью или, наоборот, с гипертрофированной маскулинностью. Женщины используют в речи данные лексемы для того, чтобы показать мужчине, что он не соответствует шаблону, представленному обществом, однако, чаще все же используется мужчинами в гомогендерных ситуациях коммуникативного взаимодействия. Очевидна также взаимозависимость гендерной маркированности коммуникантов с реализацией их статусно-ролевых отношений в процессе коммуникативного взаимодействия, осложнённого требованиями, предъявляемыми обществом к мужчине и женщине, а также спецификой их социализации, обусловливающей разные мотивы поведения, а также различные стратегии и тактики общения.

Список литературы

1. Кириллина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2 (23).

2. Топка Л.В. Гендерный аспект исследования речевого поведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 158-16.

3. Топка Л.В., Бакшеева Д.Е. Мизандрийное речевое поведение // Вестник Иркутского университета / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [редкол: О.А. Эдельштейн, Г.В. Логунова]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. Вып. 22. С. 120-121.

4. Dworkin A. Our Blood. New York: G.P. Putnam's Sons, 1981, pp: 20.

5. Dworkin A. Pornography: Men Possessing Women. New York: Plume, 1989, pp. 48.

6. iWeb: The 14 Billion Word Web Corpus. URL: https://www.english-corpora.org/iweb/ (дата обращения: 18.03.2019).

7. Jewkes R., Morrell R. Hegemonic masculinity: combining theory and practice in gender interventions. S Culture, Health & Sexuality, 2015; 17(2):112-127.

8. Macmillan Dictionary [Electronic resource]. URL: https://www.macmillandictionary.com/ (дата обращения: 12.03.2019).

9. Merriam Webster Dictionary [Electronic resource]. URL: https://www.merriam-webster.com (дата обращения: 11.10.2019)

10. Venturini F. The heart does not grow back: a novel // Corpus of Contemporary American English. URL: http://corpus.byu.edu/coca (дата обращения: 10.03.2019).

MIKHAIL YURYEVICH LERMONTOV

Пугина О.Д.

ВЛГУ, колледж инновационных технологий и предпринимательства, e-mail: Olia.pugina2015@rambler.ru

Научный руководитель: Алиева Д.Т.

Mikhail Yuryevich Lermontov Russian poet, prose writer, playwright, artist. Lermontov's work, which combines civic, philosophical and personal motives that meet the urgent needs of the spiritual life of Russian society, marked a new heyday of Russian literature and had a great influence on the most prominent Russian writers and poets of the